

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС В ОБЩЕГУМАНИТАРНОМ КОНТЕКСТЕ

В.Н. ЛЕКСИН

Цивилизационный кризис и его российские последствия

В большинстве суждений о первом глобальном кризисе доминируют определения “финансовый” и “экономический”. Проводимые во многих государствах так называемые антикризисные меры соответственно направлены на купирование негативных тенденций именно в экономике, и в финансовой сфере в частности. Стало также нормой считать российский кризис порождением исключительно внешних обстоятельств¹, в первую очередь, сбоем американской, а затем и мировой финансовой системы, и дополнительно связывать его с падением мировых цен на нефть.

В настоящей статье обосновывается принципиально иная позиция по вопросу о генезисе и сути современных кризисных явлений в мире и в России. Выдвигается и обосновывается идея о первичности *цивилизационных оснований мирового кризиса*, в связи с чем высказываются сомнения в корректности его рассмотрения как исключительно финансового, “американского” (по происхождению) и случайного. Этот кризис трактуется как системное и вполне предсказуемое производное складывающейся глобальной цивилизации, и такие кризисные явления, как временная недееспособность американской ипотеки, – лишь наиболее очевидные следствия этой первопричины. В соответствии с принятым цивилизационно-ценностным подходом к анализу проблемы предлагается понятие цивилизационной *кризисогенности* как заложенного в ценностных (и в обусловленных ими правовых и иных) основаниях современной цивилизации повода для возникновения и периодического возникновения кризисных ситуаций в различных сферах жизнедеятельности цивилизационных сообществ.

Уникальная (по продолжительности и генезису) российская кризисная ситуация, началась, по моему мнению, *в середине 80-х гг. прошлого века* на этапе слома советской цивилизационной системы. Естественно, что с этих позиций перечень и содержание применяемых в России антикризисных мер по ряду принципиальных направлений подвергается определенному переосмыслению.

¹ “В российской экономике не наблюдалось фундаментальных причин, которые могли бы спровоцировать быстрый приход кризиса”, – пишут, например, аналитики Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, обобщившие результаты очередного опроса 169 предприятий, расположенных в 59 регионах страны [Кувалин, Моисеев, 2009, с. 121].

Цивилизационные ценности как деятельностно-ориентирующая реальность

Среди эндогенных факторов, определяющих стационарные и кризисные состояния социально-экономических систем, особое место занимают *цивилизационные ценности*. Незаслуженно малое внимание аналитиков к этому фактору побуждает меня к дополнительному разъяснению ключевых понятий этой статьи. Сделать это необходимо и потому, что понятие “цивилизация” и производные от него определения при широчайшем их употреблении имеют самые различные (часто противоположные) толкования.

Прежде всего хотел бы уточнить, что “цивилизация” – это не абстрактно-историческая, а реальная субстанция с мощным деятельно-ориентирующим потенциалом. Достаточно широко распространены различные версии отождествления “цивилизации” с широко трактуемой “культурой” сообществ, объединенных религиозными, языковыми, ценностными компонентами повседневного бытия. Были любопытные примеры рассмотрения “цивилизаций” в контексте сменяющихся друг друга аграрной, индустриальной и постиндустриальной (информационной) эпох. Интересна новейшая интерпретация “цивилизации” как сообщества, объединенного трансцендентным ощущением бытия.

Ставшие общепринятыми представления о многоцивилизационном пространстве, сформированные, в частности, популярными книгами Н. Данилевского, О. Шпенглера, П. Сорокина, А. Тойнби, Ф. Броделя, С. Хантингтона и ряда других известных авторов, провоцируют современных исследователей к поискам все более развернутых и междисциплинарных определений. Так, Бродель рассматривает цивилизации как синтез общественных формаций, геокультурных пространств, экономических укладов и специфических видов коллективного мышления. Хантингтон выделяет такие “большие цивилизации”, как африканская, западная, индуистская, исламская, латиноамериканская, православная, синская (китайская) и японская; деление более чем спорное из-за различий и размытости классификационных признаков, но одновременно еще раз подчеркивающее представление о множественности цивилизаций в стремительно глобализирующемся мире.

Эти и другие представления о цивилизациях при всех отличиях авторских концепций едины в том, что здесь мы имеем удивительные общности людей, соединенных на долгое время не только языком или государственной властью. Цивилизации предстают в виде феноменальных проявлений системообразования в жизни человеческих сообществ, превращающего их в трудноформализуемые мегаобщности.

Относительно внутренних скреп цивилизаций, созидających эти парадоксальные общности, единых мнений также не существует. Единство национального менталитета и веры, схожесть ландшафтных условий жизнедеятельности и многое другое в качестве факторов генезиса и, главное, устойчивости различных цивилизаций одновременно и доказательны, и оспариваемы. Мне же наиболее убедительной кажется версия системообразования цивилизаций на основе единства определенного *набора ценностей*. При этом под ценностями понимается совокупность *доминирующих, аксиоматических и априорных представлений* о допустимом и недопустимом, о правильном и неправильном. Эти оценки распространяются на конкретных людей и их сообщества (включая государства), на отношения собственности и организацию хозяйственной деятельности, на социальную организацию общества, на религию, окружающую среду и природные ресурсы (свои и чужие), на искусство, армию и т.д.

Речь идет, таким образом, не о предметах (например, не о “культурных ценностях”, то есть о предметах, вывоз которых за границу регламентируется в соответствии с “культурными” критериями) и не об отношениях (например, семейных или международных), а о *представлениях* об их общественном значении, позитивном или негативном содержании². Такие представления, будучи укорененными в быту, в хозяй-

² О регулятивном и мировоззренческом аспекте ценностей см. [Лексин, 2007^{а,б}].

ственной и социальной практике, закрепляются в праве и в поведении юридических и физических лиц, определяя и поступательный ход общественного развития, и его кризисные состояния.

В формировании так понимаемых ценностей участвуют национально-этнические, религиозно-конфессиональные, исторические, геополитические, языковые и т.п. факторы, но доминируют не они, а сформировавшиеся под их влиянием или навязанные массовые (в пределах данной цивилизации) представления об их значимости. Так, для современной западной цивилизации ценностью является не христианство как таковое, а представления о свободе совести, о допустимости любых вероисповеданий или неверия, о светском характере государства [Лексин, 2009].

Ценности конкретной цивилизации есть *только ее* ценности, они необязательно приемлемы и, тем более, позитивны для сообществ иной цивилизационной принадлежности, то есть разделяющих *иные* представления о ценностях, об их перечне и приоритетности. Так, существуют цивилизации, где в число ценностей входят кровная месть или многоженство, неприемлемые (анти-ценностные) для сообществ, признающих право каждого на жизнь и включающих в число ценностей институт моногамной семьи. Для так называемого исламского мира вряд ли приемлемы положительные для Запада ценности религиозного свободомыслия (особенно в формате издевательств над святынями). Запад считает величайшей ценностью демократию (в западном же понимании) и негативно относится к теократическим ценностям ряда стран Востока. Ценности, создающие опорный каркас любой цивилизации, различны по восприятию извне, но каждая из них – не просто слова, *а самый непосредственный повод к адекватному действию*. Напомню в связи с этим о ценностях морали, духа, предпринимательства и закона, которые с чистого листа создали великую североамериканскую цивилизацию, ее достижения и пороки.

Существенно, что ценности каждой цивилизации – самый консервативный и устойчивый ее компонент, фундамент, на котором, собственно, и выстраивается все здание. Смена ценностей в связи с этим есть конец выстроенной на их основании цивилизации и зарождение новой. Пока жива наша теперешняя цивилизация, за ее ценности будут инстинктивно (закон цивилизационного самосохранения) “держаться” и люди, и бизнес. Поэтому, забегая вперед, можно утверждать, что выход из любого цивилизационного кризиса чаще всего становится лишь *возвращением* к исходному предкризисному состоянию, к тем же ценностям, которые его спровоцировали. Все это имеет самое непосредственное отношение к предлагаемой концепции цивилизационной природы первого глобального кризиса.

Кризисогенность современной цивилизации и первый глобальный кризис

Кризисогенностью в общем смысле можно считать свойство (способность) любой социо-экономико-политической системы периодически разбалансировывать собственную целостность, создавать диспропорции между отдельными элементами системы и ослаблять связи между ними. Природа таких ситуаций на примере экономических кризисов перепроизводства блестяще проанализирована в классической политэкономии. Причины экономических и подобных им кризисов коренятся, повторю, внутри самих систем; это причины неравномерного роста или развития тех или иных элементов, субъективные факторы, так называемые форсмажорные обстоятельства, недостаточный иммунитет к внутренним и внешним деструктивным воздействиям, и т.п. Внутри каждой системы, как правило, находятся силы, способные на определенное время восстановить системный баланс и даже в значительной степени укрепить внутрисистемные связи. Поэтому такие локальные кризисы принято рассматривать и как временное зло, и как повод для очередной модернизации.

Следует отметить, что сама идея связи кризисных состояний с теми или иными ценностями не нова. Она получила яркое (я бы сказал – страстное) воплощение в

трудах известных историков, философов и культурологов. Предчувствиями гибели ушедших цивилизаций наполнены шумерские, древнеегипетские, античные, библейские тексты. В свое время сильное воздействие на умы оказал историко-философский бестселлер Шпенглера “Закат Европы” [Шпенглер, 1989]³, который, как мне кажется, стал не менее сильным призывом к “отречению от старого мира”, чем книги К. Маркса и А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и Г. Гуссерля, Т. Лессинга и А. Вебера. Культура и цивилизация по Шпенглеру – не “близнецы-братья”; культура рождается из мифов и символов, расцветает на метафизическом уровне и постепенно вырождается(!) в цивилизацию, где царствует всем довольная масса, изобилие “хлеба и зрелищ”, а бетховенские гармонии и полотна некогда великих художников становятся чуждыми и ненужными.

Все пишущие о цивилизациях и кризисах не преминут упомянуть Тойнби, который вслед за Данилевским и Шпенглером выстраивал свою цивилизационную конструкцию на фундаменте все формирующих ценностей и обнаруживал задатки кризиса внутри ее самой [Тойнби, 1991]⁴. Наконец, не могу не назвать имя нашего удивительного соотечественника П. Сорокина, познавшего современную ему западную цивилизацию изнутри и описавшего в форме своеобразных пророчеств ее будущее еще в 20–30-х гг. прошлого столетия.

Перечень известных имен и ярких цитат можно многократно расширить, но я хотел бы выделить нечто общее в суждениях столь различных авторитетов: практически все, предрекавшие “закат” западной цивилизации эпохи *Modernity*, оценивали ее состояние как *кризисное*, связывая это состояние прежде всего с *кризисом ценностей*. Наш современник, эрудит и оригинальный мыслитель А. Неклесса, говоря о “пределе исторического времени западной цивилизации эпохи *Modernity*”, охватывающей, по его расчетам, “350–400, максимум 500 лет”, характеризует это время как период «формирования, возвышения и глобальной экспансии национальной государственности, становления индустриальной, промышленной экономики, торжества идей модернизации, секулярности, просвещения, культуртрегерства (в т.ч. “колониального”)... Ее (этой эпохи. – В.Л.) система ценностей базировалась на отрицании сословного мироустройства, на канонах представительной демократии, публичной политики, идеях модернизации и прогресса... Окончательное утверждение строя и его глобальная манифестация совершается в следующем, XX веке» [Неклесса, 2009, с. 12–14]. Но, добавлю, если пользоваться словами только что цитированного автора, в конце XX в. и в начале нынешнего все отчетливее обозначается не только предел исторического времени цивилизации эпохи *Modernity*, но и усматривается ее перерождение в новую цивилизационную общность, которую стали называть *глобальным постмодерном*.

Внешними приметами этой новой цивилизации в экономике стали: изменение соотношения материальных и нематериальных активов (в пользу последних), падение экономической значимости “человеческого фактора”, бурное развитие информационных технологий и формирование информационного общества, тотальная автоматизация и компьютеризация производства товаров и услуг, “экономика, основанная на знаниях” и “управление знаниями”, появление и быстрая гипертрофия “виртуальной” экономики и “виртуальных” финансов, реальное становление глобальной экономики и глобальных рынков. И произошло, как проницательно замечает Неклесса, “внутреннее перерождение прежней системы ценностей, целей, идеалов. Наиболее яркой чертой культурной и социальной трансформации стали процессы контркультурной революции и экспансии глобальной мультикультурности” [Неклесса, 2009, с. 16].

³Знаменитый двухтомник в оригинале называется “Der Untergang des Abendlandes”, что я перевел бы как “Закат Запада”.

⁴В последние годы многие, ссылающиеся на труды этого историка и дипломата, подчеркивают его мысли о негативной роли в судьбе цивилизаций деградирующей и все более обособляющейся от общества политической элиты, а также о представляющей мне более чем утопичной потенциальной возможности замедления кризиса западной цивилизации на путях религиозного возрождения (в весьма странной форме экуменизма).

Ситуация цивилизационного слома и зарождение несколько десятилетий назад новой цивилизации (или фундаментально-ценностного перерождения прежней) очевидна, но я хотел бы предложить новый поворот этой проблематики и обратить внимание не на то, как гибнут (нищпровергаются, отрицаются, извращаются) цивилизационные ценности, а на то, что они сами способны провоцировать кризисные ситуации. И современный, первый истинно глобальный кризис – лучшее тому свидетельство. Вышеуказанные ситуации целесообразно называть *цивилизационными кризисами*, понимая под этим те хорошо описанные и изученные кризисные состояния отдельных сфер жизнедеятельности общества, которые возникают под воздействием *гипертрофированной реализации различных цивилизационных ценностей*. Подчеркну, речь идет именно о *гипертрофии перехода* ценностей в повседневную жизнь отдельных людей, их сообществ и бизнеса. И это относится не только к нашей, “постмодерной” цивилизации.

Все известное о цивилизациях убеждает в том, что каждая из них несет в себе, в своей сути, в типологических и доминирующих признаках, семена самоуничтожения, которые прорастают в периоды *гипертрофии* этих признаков, во времена, казалось бы, полного цивилизационного благополучия. Именно *гипертрофия* идейных, экономических, институциональных составляющих каждой цивилизации, абсолютное *доминирование* в обыденной жизни ее ценностного основания свидетельствует о приближении смены цивилизации, или в более мягком варианте – о вхождении в ее кризисную фазу, в результате чего на время стремительно теряют смысл, общественное значение и ресурсную подпитку все, казалось бы, незыблемо устойчивые цивилизационные достижения. Такой путь прошли эллинская и римская цивилизации, цивилизации высокого Средневековья и, вероятно, доживающая свой век цивилизация эпохи *Modernity*. Время жизни цивилизаций ускоряется, они начинают рано “взрослеть”, и уже сейчас видно, что именно этот период – гипертрофии своих сущностных проявлений – самостоятельно, без каких-либо внешних воздействий переживает западная цивилизация второй половины XX–начала XXI в. – цивилизация постмодерна, цивилизация *моноидеологии, перепотребления и переприсвоения*.

Эпоха *Modernity* оставила в наследство новейшей цивилизации не только практически все свои ценности, но и небывалые возможности для их утилитарного применения в жизни всех и вся. Это прежде всего ценности прав человека, его свободы и достоинства, ценности рыночной организации экономики и начавшейся глобализации. И было бы странно полагать, что новые возможности не изменили прежнее отношение к потребностям. Стало нужно все больше и больше (товаров, услуг, финансов, демократии и т.п.), и гипертрофия ненасытности потребления обрела облик тотальной. Что-то (но в менее явном виде) было и раньше, в приближении к концу цивилизации *Modernity*, но гипертрофия потребностей всех во всем не входила в число ценностей, она была присуща лишь очень богатым людям и (за исключением немногих “звезд”) не особенно афишировалась.

Все определения современной западной цивилизации следовало бы начинать с приставок “пере-” и “сверх-”. *Перепотребление* навязываемых ценностями постмодерна товаров и услуг, изъятие из оборота и непроизводительное *переприсвоение* доходов бизнеса, связанные с этим *сверхдоходы* топ-менеджеров и т.д. Для этого необходима, в первую очередь, *сверхдоступность* огромных финансовых ресурсов. Интересы, мотивации и объемы потребностей человека новой цивилизационной системы не могут быть обеспечены без виртуально-финансовой экономики: они как бы созданы друг для друга. Ценности перепотребления и переприсвоения отличаются от ценностей индустриальной эпохи так же, как нынешнее руководство “Норникеля” от его советского предшественника (В. Долгих).

Перепотребление завышенной “самости” (то, что в годы после Первой мировой войны называлось “протестом против проклятой цивилизации”, а в 60-е гг. прошлого века освобождением от пут прогнившего общества в форме движения хиппи, сексуальной революции и т.п.) приняло форму ценности “самоутверждения”, чаще всего в виде экстравагантных одежды, прически, манеры поведения, распространенности

экстремального спорта и подобных развлечений. Но поскольку у каждого “перепотребителя” есть свой “потолок”, индустрия перепотребления всячески упрощает и облегчает восприятие мира; наступает эпоха поистине массового искусства, ставшего коммерческим (и только) товаром. Пуританская этика как двигатель индивидуального успеха, еще теплившаяся в середине прошлого века и освящавшая любой общественно полезный труд, сменилась сверхценностью индивидуальной успешности. Худшее, что можно сказать человеку, – “ты неудачник”. Литература, кино, радио, телевидение стали говорить не о деле, которым заняты люди, а только об успехе в первую очередь людей и во вторую – их дел. Те, кто “выиграли миллион”, интересней тех, кто собственным горбом ежегодно зарабатывают втрое меньше.

Ценности прав человека и зародившаяся еще в эпоху Просвещения идея самооценки каждой личности как независимой и гордой вершины мироздания *гипертрофировались в ценности удовлетворения любого объема любых прихотей* с катастрофическим самоощущением тех, кто не могут это сделать. Ценности науки и апология технического “прогресса” все более стали реализовываться в форме навязанного спроса технических “новинок”, реальная потребность в которых весьма сомнительна, а реализация во многих случаях обеспечивается лишь подстегиванием инфантильно-дикарского интереса ко всему новому и потаканием самым сомнительным человеческим слабостям. Достаточно вспомнить рекламу новых марок автомобилей и атмосферу автосалонов, методы распространения агрессивно-бессмысленных компьютерных игр, непрерывное “обновление” мобильных телефонов и услуг мобильной связи и т.п. Апофеозом соединения научно-технического прогресса с виртуальной экономикой и с образом “жизни взаимы” стали электронные деньги и кредитные карточки. Человек цивилизации перепотребления все дальше отходит от реальности денег.

То, что сказано о людях цивилизации глобального постмодерна, полностью относится и к бизнесу во всех его формах, особенно транснациональных корпораций. Перепотребление “корпоратива” проявляется во всем: в сверхдоходах и бонусах топ-менеджеров (и просто менеджеров), в увеличении числа корпоративных самолетов и в появлении так называемого бизнес-класса в обычных самолетах и *vip-залов* в аэропортах, в роскошных апартаментах в офисных зданиях, в организации корпоративных “вечеринок” и т.п. Корпорации точно так же, как “простые люди”, живут в мире финансовой безответственности и виртуальных денег.

То же относится и к государствам в целом, к их политикам и политике. Напомню лишь о безумных государственных расходах на предвыборные кампании, о расточительстве стран – устроителей олимпиад и прочих спортивных и концертных зрелищ, о строительстве и переносе столиц и т.п. Феномен перепотребления и переписвоения закрепляется как естественный в масштабе отдельных государств, среди которых в этом отношении лидируют, конечно же, США, потребляющие около 40% всего произведенного в мире при доле собственных компаний в его производстве на уровне 20%.

Закономерной реакцией на ценности перепотребления стала всеобщая “жизнь взаимы”, характеризующаяся потерей чувств меры, переоценкой собственных возможностей и снижением чувства личной и материальной ответственности, упованием на неизменно бескризисное существование, уверенностью, что всегда и на все можно взять кредит. И здесь, как во всем мире перепотребления, кризисогенным стал не сам по себе безупречный институт кредитования, а превышение уровня разумного потребления его услуг.

Невиданную ранее энергию перепотребления подхлестывает соединение ценностей любого капиталистического производства (роста прибыли за счет создания нового предложения) с потребительской психологией, раскрепощенной ценностями вседозволенности и не ограниченной собственными возможностями потребителя. Для финансового обеспечения цивилизации перепотребления наиболее адекватной стала так называемая виртуальная экономика, в обслуживании которой в середине 2008 г. только на долю производных ценных бумаг (деривативов) приходилось около 870 трлн долл. США, что в 12(!) раз больше совокупного внутреннего валового продук-

та всей глобальной экономики, а так называемые нематериальные активы корпораций все более доминировали над материальными и монетарными активами, связанными с собственным производством товаров и услуг.

Не буду перечислять конкретные (и в целом однотипные) антикризисные меры, используемые в США и других странах G7. Напомню лишь о том, что еще в начале октября 2008 г. все эти страны (с участием России) разработали пять антикризисных мер, разумеется, направленных на поддержку финансовой системы. Было предложено:

- использовать любые имеющиеся средства, чтобы поддерживать системно важные финансовые институты и не допускать их краха;
- принимать все необходимые меры для разблокирования кредитных и денежных рынков, обеспечения широкого доступа банков и других финансовых институтов к ликвидности и финансированию;
- обеспечить банкам возможность при необходимости привлекать капитал как из частных, так и из государственных источников в достаточных количествах для восстановления доверия и возобновления ими кредитования бизнеса и частных лиц;
- обеспечить надежность национальных программ по страхованию вкладов;
- при необходимости принимать меры для возобновления деятельности вторичных рынков ипотечных и других ценных бумаг.

Министр финансов России, возглавлявший нашу делегацию, заявлял, что Россия раньше всех (еще в апреле 2008 г.) начала заботиться о благополучии банков, в том числе о государственных гарантиях на межбанковском рынке. Минфин России начал проводить аукционы по размещению временно свободных средств федерального бюджета на депозитах коммерческих банков, чтобы пополнить банковскую систему ликвидностью. Неудивительно, что такие и подобные им российские действия руководство Всемирного банка оценило очень высоко.

Можно ли не на время кризиса, а надолго и основательно скорректировать поведение перепотребителей благ, проистекающих из реальных ценностей постмодерной глобальной цивилизации? Уверен, что нет, поскольку эти ценности – самое устойчивое, взаимовыгодное и имманентное каждой, в том числе и этой, цивилизации. Ведь даже слегка приглушив жажду перепотребления, транснациональная экономика (и локальные “мир-экономики”) могли бы долго и счастливо функционировать при ценах на нефть существенно ниже пиковых (образца начала 2008 г.); ведь идея западного экономического благоденствия была бы непоколебима и при умеренных (а не при ничтожных) ставках ипотечных кредитов. Кто же заставлял действовать не рациональным, а явно кризисогенным образом? Никто, кроме самой перепотребляющей цивилизации постмодерна, ее логики в целом и логики поведения каждого участника постмодерных “игр обмена”. Все поступали в соответствии с правилами и азартом этих игр.

Долго ли в связи с этим продлится первый глобальный кризис? Долго – и в явной и, главное, в латентной форме. Ведь не исчезли почти *девятьсот тысяч триллионов виртуальных*, но требующих роста долларов. Все принимаемые за рубежом антикризисные меры в конечном счете лишь провоцируют воспроизводство той самой ситуации, которая в 2008 г. стала называться кризисом. Повторю: теперешний кризис – не финансовый, он – результат не перепроизводства, а перепотребления, стремления не к разумному благосостоянию, а к безумному расточительству. Не болезнь, а естественное состояние так называемой глобальной экономики, в которую наша страна вошла как поставщик исчерпаемых природных ресурсов и потребитель отбросов мирового рынка. Бороться с кризисогенностью глобальной системы можно только устраняя его первопричины, подрывая тем самым не злосчастный сук, а корни современной цивилизации. На это, к счастью, в ближайшее время никто не решится. Не следует считать, что все это присуще только географически западной цивилизации; в современной России как в органической части этой цивилизации исходные причины те же самые, но помноженные на собственные, неизжитые за десятилетия кризисные состояния.

Причины российского кризиса – неизжитые и новоприобретенные

Российская кризисная ситуация середины 2008 г. и последующего времени и похожа, и непохожа на общемировую. Как уже отмечалось, ее специфику определяет наложение мирового кризиса и спада цены на энергоносители на кризис российский, начавшийся в конце 80-х гг. прошлого столетия. Этот исходный кризис напрямую связан со сломом *особой советской цивилизации*, более семидесяти лет существовавшей на огромных пространствах СССР и “стран народной демократии”. Цивилизационные признаки этой феноменальной общности, по моему мнению, очевидны: *своя* система ценностей (в первую очередь, общенародных, коллективных, трудовых и семейных), *своя* культура с высочайшими взлетами идеологически регламентированного искусства, *своя* система организации хозяйства, *своя* система управления, *своя* политика урбанизации и расселения, *своя* система отношений с внешним миром, *свои* неконвертируемые деньги, *свой* язык, *свои* герои и мученики, *своя* система государственного управления, *свои* методы стимулирования и принуждения, *свои* представления о справедливости, *своя* национальная политика и т.п.

При этом все отмеченное “свое” резко контрастировало с цивилизационным окружением. Советская цивилизация энергично позиционировала себя в качестве будущей глобальной: сначала в форме поддержки мировой революции, а затем несколько десятилетий в уповании на торжество социалистических идей во всем мире. Эта советская цивилизация открыто противопоставляла себя западной, отчего они враждовали и даже воевали.

Советская цивилизация 1980-х гг. была внутренне обречена, но из возможных вариантов ее агонии состоялся *самый быстрый в истории переход всего своего* (уникального, неповторимого и неприемлемого для остального мира) в *принципиально другое*. Создается впечатление, что именно быстрота указанного перехода гарантировала его необратимость, и для каких-либо рациональных обоснований будущего пути просто не было времени. Наивно-лукавые рассуждения о том, что в России конца 1980-х–начала 1990-х гг. рыночные отношения в условиях полной открытости конкурентных рынков всех стран будут более эффективны, чем замкнутые в границах СЭВ отношения планово-распределительной системы, создавали иллюзию будущего благоденствия большинства *реальных объектов советской экономики*. Тех самых объектов, которые функционировали в тепличной среде “единого народно-хозяйственного комплекса” СССР. Связь же с внешней экономикой (и то, в основном, с такой же социалистической), если не считать сырьевых поставок, была ничтожно мала. Элементарный маркетинг мог бы показать, что 94% всех крупных промышленных предприятий оказались абсолютно не готовы к мировой рыночной конкуренции ни организационно, ни технологически, ни, главное, по цене, качеству и номенклатуре выпускаемой продукции. Такое положение не мог поправить самый изощренный менеджмент. Экономика России втянулась в затяжной кризис, гораздо более глубокий по сравнению с великой депрессией 1930-х гг. и спадом мирового производства в начале XXI в.

Кризис, начавшийся в конце 1980-х гг. в России, принято называть системным, и он действительно таков. Назову лишь еще одну его составляющую, порожденную обозначившимся в то время сущностным несоответствием *прежней* схемы развития и размещения производительных сил СССР *новым* – рыночным – принципам экономических отношений. Сложившаяся в советский период территориальная организация общества, *вполне адекватная* цивилизационной, политической и экономической модели того периода, не смогла отвечать требованиям *нового* рыночного экономического порядка и *нового* федеративного государственного устройства. Начался процесс естественного устремления производства (и экономической активности как таковой) только туда, где для рыночно успешной экономики имеются благоприятные природно-ресурсные предпосылки, транспортная доступность, близость к рынкам сбыта и иные *уже имеющиеся* выгоды географического положения.

В России возникла принципиально новая, не имеющая аналогов ни за рубежом, ни в еще недавнем отечественном прошлом, *территориальная среда*, характеризующаяся уникальным (по числу, содержанию и остроте) набором регионально опосредованных проблем. Первой из них следует считать вполне объяснимую невозможность эффективного рыночного функционирования сети производств (и связанных с ними населенных пунктов), созданных в советский период и размещенных по критериям эффективности народно-хозяйственного комплекса СССР, с его нерыночными хозяйственными отношениями. В результате более 70% всех городов и поселков городского типа оказались в значительной степени лишенными прежней экономической базы существования со всеми сопутствующими последствиями (безработица, развал городского хозяйства и т.д.). Такого *кризиса системы расселения* мировая история в новейшее время не знала.

Преодолеть столь глубинный кризис за последние 20 лет не удалось (да и не пытались), а реальная острота продолжавшегося кризиса была на время приглушена поступлением доходов от сверхприбыльной продажи топливно-сырьевых ресурсов страны. Об этом много писали политики и ученые левой и левоцентристской ориентации; я же приведу слова официального лица – федерального министра В. Христенко. Он подтверждает, что “мы не успели перестроить структуру российской экономики, чтобы она была более эффективной, конкурентоспособной, самодостаточной и соответствовала внутреннему рынку. К этому мы только приступили (на 19-м году реформ! – В.Л.), разработав и приняв стратегии развития для 15 важнейших отраслей... У нас теперь(!) есть понимание, какая номенклатура нужна регионам, какие предприятия смогут ее обеспечить” [Христенко, 2009]. Все это – так, но почему для осознания общегосударственного значения производства важнейших (в том числе с позиций безопасности) видов конкурентоспособной продукции понадобился мировой кризис? Вопрос риторический.

Бизнес в последние годы в определенной степени адаптировался к вялотекущему кризису, и внутри его не обнаруживалось никаких серьезных антикризисных тенденций. За истекшее двадцатилетие не было никаких решительных антикризисных действий и со стороны власти, ценностные установки которой оставались практически неизменными. Многое свидетельствовало о том, что все это время продолжался, хотя и не в таких эпатазирующих формах, как вначале, *кризис власти*. Этот кризис, начавшийся задолго до развала СССР, еще в недрах советской цивилизации, до сих пор охватывает все три ее ветви – исполнительную, законодательную (в последнее время полностью зависящую от исполнительной) и судебную. Не дала ожидаемых результатов ни одна правительственная реформа; классический пример – абсолютное неприятие населением реформирования ЖКХ; но не менее сомнительны и результаты административной и муниципальной реформ, а в последнее время начинается естественный отказ от базовых положений пенсионной реформы. Свидетельствами реального кризиса власти стали и повсеместная коррупция, и неспособность организовать выполнение одной из главных функций любой власти – адекватного закону правоприменения, и продолжающийся преференциальный стиль кадровой политики, и потрясающе низкая исполнительная дисциплина, в том числе неисполнение или формальное исполнение поручений Президента РФ.

В связи со всем вышесказанным современную ситуацию в России следует прежде всего считать развитием и обострением системного *кризиса двадцатилетней продолжительности*. Но не следует забывать о том, что все эти годы Россия пребывает в ранее охарактеризованном *новом* кризисогенном цивилизационном пространстве, перепотребительской, виртуально-экономической и квазифинансовой идеологией которого был спровоцирован так называемый “мировой финансовый кризис”. Все наиболее активное (гипертрофированно-ценностное) этой идеологии было немедленно востребовано в междоцивилизационном пространстве новой России. Результатом соответствующих ценностных имплантаций на территории России в одночасье образовалась прослойка сверхбогатых людей, разрослась до немислимых размеров дифференциация доходов населения, сформировалась идеология быстрого обогащения, не

связанного с производственной деятельностью и ориентированного на немедленное потребление, без какой-либо связи с затратами на строительство в несколько раз возросли цены на жилье, в разряд непрестижных профессий попало все, не связанное с получением высоких доходов (от рабочих профессий до преподавательской и научной деятельности), были освоены технологии “финансовых пирамид” и кражи бюджетных денег в особо крупных размерах, и т.д.

Идеология спекулятивно-финансового обеспечения стала государственной, подтверждением чему могут служить гиперболически возрастающие доходы и расходы бюджетов России и ее столицы – Москвы. В 2000–2007 гг. доходы федерального бюджета возросли в 6,9, московского – в 5,6 раза, а расходы, соответственно, в 5,8 и в 4,3 раза. Ежегодно денежные поступления и расходы в бюджете увеличивались на 70–90%(!). И это без каких-либо прорывных достижений в реальном секторе экономики страны и ее крупнейшего города.

Внимать предупреждениям об обострении кризиса в этой атмосфере никто не хотел. Да и сама система государственного прогнозирования в стране была ориентирована только на рекомендательное обеспечение бюджетного планирования. Еще в апреле 1994 г. Президентом РФ был подписан Указ “Об аналитической службе Президента Российской Федерации” и о создании Экспертно-аналитического совета и Аналитического центра при Президенте РФ, важнейшими задачами которых должны были стать “разработка сценариев и прогнозов развития событий в Российской Федерации, связанных с реализацией экономической и социальной политики, решений Президента и Правительства, изучение и прогнозирование социально-экономической и политической обстановки в отдельных регионах Российской Федерации”. Задача анализа воздействий мировой политической и социально-экономической конъюнктуры на российскую ситуацию не ставилась, и постепенно она трансформировалась лишь в учет зарубежных прогнозных цен на экспортируемые энергоносители. Впоследствии были приняты федеральный закон о прогнозировании, созданы государственные, корпоративные и частные центры прогнозирования, но никто ни разу не озвучил на государственном уровне то, о чем говорили и писали многие ученые (включая нобелевских лауреатов по экономике) и немногие политики.

Развитие российской кризисной ситуации и государственные антикризисные действия

Правительство РФ начало разрабатывать отдельные антикризисные меры еще летом 2008 г., и в систематизированном виде они сведены в опубликованную 20 марта 2009 г. “Программу антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год” [Программа...], в одном из приложений к которой приведен перечень десятиков(!) “основных мероприятий Правительства Российской Федерации и Банка России по оздоровлению российской экономики, принятых в 2008 году”. В конце 2008 г. были также приняты ответственные документы, не имевшие прямого отношения к правительственной программе антикризисных мер, но содержавшие либо оценки кризисной ситуации, либо намерения по ее регулированию. Таковы, в частности, утвержденные Правительством РФ “Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года” и “Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года”, одобренные Центральным Банком Российской Федерации “Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2009 год и период 2010 и 2011 годов”, Постановление Правительства РФ “О Правительственной комиссии по повышению устойчивости развития российской экономики”, указание Генеральной прокуратуры РФ “Об организации прокурорского надзора в связи с принимаемыми Правительством Российской Федерации мерами по оздоровлению ситуации в финансовом и других секторах экономики” и ряд других. Замечу, что в настоящее время

близкие по содержанию антикризисные программы разработаны в большинстве стран СНГ⁵.

В “Программе антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год” выделено семь приоритетов антикризисной деятельности:

- выполнение в полном объеме социальных обязательств;
- сохранение и усиление промышленного и технологического потенциала;
- восстановление и развитие потребительского спроса;
- долгосрочная модернизация экономической модели развития – переход от ресурсно-нефтяной к инновационной экономике;
- снижение административных барьеров для развития ответственного бизнеса; укрепление национальной финансовой системы;
- ответственная макроэкономическая политика;
- ответственная денежная политика.

За этими, казалось бы, общими формулировками скрывается набор более 50⁶ адресных и финансово рассчитанных действий, перечисленных в приложении “Основные мероприятия Правительства РФ и Банка России по оздоровлению российской экономики в 2009 году”. В тексте самой “Программы” есть также раздел “Реализация антикризисных мер в субъектах РФ”, где, правда, нет ни слова ни о городских, ни о сельских поселениях, и лишь дважды упомянуты “органы местного самоуправления”.

“Программу” Правительства РФ с момента ее появления начали критиковать за декларативность формулировок и отсутствие радикальных мер, позволяющих решить поставленные задачи. Например, “сокращение дифференциации по уровню доходов” не предполагает отказа от плоской шкалы налогообложения доходов физических лиц (в США налог на бонусы менеджеров предприятий, получивших государственную поддержку, достигает 90%). У ряда экспертов вызывает сомнение ресурсная обеспеченность и конечная результативность российской “Программы” (особенно в части мер по поддержке банков), они отмечают невыполнение ряда важнейших ее положений (например, по фактической поддержке основного числа заявленных предприятий) и т.д. Однако, по моему мнению, главная проблема состоит в том, что “Программа”, во-первых, не учитывает долгосрочность и специфику российской кризисной ситуации, показанную выше, и во-вторых – не замечает, что предлагаемые административные меры могут лишь вернуть экономику страны в то исходное кризисное состояние, с которого и начались реформы 20 лет назад. В первых же строках правительственной “Антикризисной программы” утверждается, что “После десяти лет непрерывного экономического роста и повышения благосостояния людей Россия столкнулась с серьезнейшими экономическими вызовами. Глобальный экономический кризис приводит во всех странах мира к падению производства, росту безработицы, снижению доходов населения”. Мимоходом замечено, что “у воздействия глобального экономического кризиса на Россию есть свои особенности, связанные с накопленными деформациями структуры экономики, недостаточной развитостью ряда рыночных институтов, включая финансовую систему” [Программа...].

Нет даже намек на то, что “непрерывный экономический рост” был, в основном, ростом финансовых показателей макроэкономической ситуации (в том числе, пресловутых “мыльных пузырей” виртуальных денег) и что эти показатели лишь на какое-то время скрыли стагнацию той части экономики, в которой была занята основная часть трудоспособного населения России. То же относится и к “росту благосостояния”,

⁵ Это – документы концептуального и стратегического характера, начинающиеся с краткой аналитики исходного состояния проблемы и последовательно излагающие политику правительств по всем аспектам антикризисного поведения в хозяйственной, финансовой и социальной сферах. Здесь мы не оригинальны. Таковы, например, 120-страничная Программа деятельности кабинета министров Украины “Преодоление влияния мирового финансово-экономического кризиса и поступательное развитие” (на период до 2012 года) и принятый в Республике Казахстан “План действий по стабилизации экономики и финансового сектора на 2009–2010 годы”.

⁶ В середине мая 2009 г. было официально сообщено, что из этих мер уже выполнено более 40.

заклучавшемся только в увеличении социальной помощи за счет доходов “нефте-наливного” федерального бюджета. Не названы *действительные сроки* начала отечественной, непрекращающейся до сих пор кризисной ситуации (середина 1980-х гг.) и *главная причина* (не глобальная, а внутрироссийская) крайней слабости нашей экономики в условиях глобального кризиса – упущенный четверть века назад исторический шанс создания “эффективного собственника” и условий для его результативной деятельности, не замыкающейся на непроизводительном присвоении доходов от скоропалительно приобретенной собственности. Не упомянуты и кризисные последствия либерально-монетаристской политики последних десятилетий.

Обострение кризисной ситуации стало поводом для принятия *экстраординарных* мер, которые были немислимы в предыдущий период; такой мерой стала, например, фактическая деприватизация Амурского судостроительного завода (Комсомольск-на-Амуре), результаты которой освещались многими СМИ во время посещения его премьер-министром В. Путиным начале мая 2009 г. В ценовой политике началось то, что было “табу” со времени объявленной либерализации цен. Во многих регионах и городах России администрации реализуют различные способы сдерживания роста цен на потребительские товары. Эти меры обосновывают тем порядком ценообразования, который был еще в какой-то степени допустимым в период кризисной стабильности (до середины 2008 г.), но сохранился и поныне. Так, в феврале 2009 г. в центральных регионах России средняя цена килограмма картофеля в магазине превышала его цену у производителя почти на 50%, говядины – более чем на 60%, свинины – почти на 70%, фасованного риса – на 75%, сливочного масла – более чем на 100% и т.д. Но это определяли не только торговые наценки, от чего отрешиваются и руководители Ассоциации компаний розничной торговли (объединяет 30 самых крупных российских сетей) и Союза независимых сетей России: они говорят о 2–3%, максимум о 15%! Все делает посредник, который, по мнению большинства специалистов, самым тесным образом связан или с производителями продовольствия, или с торговлей, а значит, все ранее названные наценки делаются вполне прогнозируемым образом.

Возрождается давно позабытый бартер, идеологом которого (в форме “Системы Глобального Бартера”) стал известный предприниматель Г. Стерлигов, создавший в Москве Антикризисный расчетно-товарный центр. А Волгоградская область стала первым субъектом РФ, официально заявившим о возможности прямого товарного обмена между предприятиями области и об ограничении межрегиональных и импортных поставок продукции. Возникают прецеденты удивительных судебных решений. Так, впервые в истории новой России негосударственный пенсионный фонд выиграл в арбитражном суде дело о возврате своих денег (плюс объем минимальной гарантированной доходности), ранее переданных в доверительное управление инвестиционной компании, ставшей в период кризиса убыточной.

Российский кризис при внешней схожести с мировым отличается от него не только сроками начала. Все последние месяцы за рубежом начали заметно снижаться цены, уровень инфляции и ставки банковского кредита. В России они растут. Различается и восприятие кризиса, к которому в России привыкли много лет назад. К тому же в отличие от Запада, где большинство воспринимает антикризисную политику своих государств как нечто личное (отсюда массовые выступления *против* неудачных действий правительств), в России все наоборот: в начале 2009 г. состоялись многочисленные митинги в *поддержку* антикризисных действий правительства; на удивление вяло обсуждалась Программа антикризисных мер правительства РФ на 2009 г.; фактически не было серьезных действий по поводу содержания этого документа, хотя к ним призывало правительство. И это связано отнюдь не с тем, что Президент РФ и правительство постоянно подтверждают сохранение всех социальных обязательств, и не с тем, что “народу все равно”.

У “народа” свои представления о том, что нужно делать. Симптоматичны результаты проведенного ВЦИОМ в апреле 2009 г. опроса населения о приоритетах государственной поддержки экономики: лишь 9% респондентов считали полезной помощь

банкам, инвестиционным и страховым компаниям, а остальные опрошенные в отличие от Правительства РФ, настойчиво называющего банки “кровеносной системой экономики”, поставили их в самый конец перечня приоритетов, отдав предпочтение сельскохозяйственному хозяйству (72%), строительству (31%) и пищевой промышленности (26%)⁷.

Развитие кризиса в России продолжается, причем оценки этого процесса быстро меняются. Так, 7 апреля 2009 г. помощник Президента РФ по экономическим вопросам А. Дворкович заявил: “Во втором квартале спад продолжится, но темпы будут меньше. Во второй половине года ожидается оживление экономики” [Дворкович⁶]. А на следующий(!) день он же констатировал, что “подавляющая часть российской экономики настолько неэффективна, что не имеет шансов выжить в ближайшее десятилетие... Пока Россия не освободится от неэффективных элементов экономики, из кризиса выйти не удастся” [Дворкович⁸]. Напомню, что речь идет о тех объектах советской экономики, которые из кризиса 1980–1990-х гг. так и не вышли. Многие аналитики предрекают ухудшение ситуации, наступление “второй волны” кризиса и т.п., но большинство согласны с тем, что кризис будет “затяжным”. Реальность такова, что бизнес в принятых кредитных условиях может быть выгоден только при доходах (после уплаты налогов) не менее 25–30% годовых, а такие доходы имеют лишь считанные предприятия.

Ожидание дальнейших кризисных неприятностей постепенно овладевает обществом. Согласно опросу, проведенному “Левада-Центром” в конце января 2009 г., около 70%(!) опрошенных, среди которых 43% – члены семей с небольшими доходами, стали покупать более дешевые товары повседневного спроса и сократили затраты на поездки. Но и 13% опрошенных с высокими доходами начали реально экономить на необходимом. Как и в докризисный период, ситуация несколько различается в зависимости от типа поселений; если, например, в сельской местности и в малых городах экономить на всем начали треть жителей, то в крупных городах таких было около 20%. Столь же естественно, что почти ничего не меняется в поведении самых обеспеченных “жертв кризиса”.

* * *

Современная ситуация есть первый, но не последний глобальный кризис новой цивилизационной системы с ее огромным потенциалом “кризисогенности”. Надежды на то, что не учитывающие этого обстоятельства антикризисные меры, например, отказ от единого валютного центра и единой расчетной валюты, могут сократить продолжительность первого и отдалить следующие кризисы “перепотребления” и “виртуальных финансов”, вряд ли оправдаются. По-видимому, каждой стране (каждому их содружеству) суждено изыскивать собственные решения.

Что есть надежная антикризисная “подушка безопасности” для России? Это системная (право, налоги, инвестиции) государственная поддержка всех, кто производят (или доказательно намереваются производить) конкурентоспособную на мировом рынке продукцию для внутригосударственного потребления на основе рыночных интересов к приобретению именно отечественной продукции. Это проведение политики умеренности в ведении бизнеса. Это правообеспеченные отношения работодателей и работников с опережающим ростом доходов последних. Это личная ответственность

⁷ К мерам приоритетной поддержки банков скептически относятся и более чем компетентные люди; одна из ведущих отечественных специалистов в финансовой сфере Б. Златкис считает, что выделенные ранее 185 млрд руб. на поддержку фондового рынка эффекта не принесли, рынок не только не поднялся, а снизился на 15%. «Сегодня для того, чтобы решить российские проблемы, гораздо важнее начать работу над проблемой “плохих долгов” российских банков... Вопрос гарантий и поддержки до сих пор не проработан... В федеральном бюджете на 2009 г. под госгарантии предусмотрено выделение 300 млрд рублей. Однако банк сможет получить деньги по госгарантиям только после банкротства кредитуемого предприятия. Такая ситуация делает весь механизм предоставления гарантий нереализуемым, а предоставление кредитов предприятиям становится рискованным шагом, который впоследствии может серьезно ударить и по банковской системе в целом и по клиентам банков в частности» (цит. по [Конищева, 2009]).

“контрольных акционеров” перед кредиторами, поставщиками и покупателями продукции и услуг, произведенных на объектах их собственности. Формирование престижа крепкой семьи, рачительно ведущей домашнее хозяйство и ориентированной преимущественно на собственные финансовые возможности. Реальная защита любой собственности от любых посягательств. Постоянный анализ кризисности ситуации в стране, отдельных регионах и муниципальных образованиях с немедленным принятием адекватных мер. Эти и другие аналогичные меры вполне реальны, но для их реализации требуется кардинальный пересмотр ряда базовых положений отечественной экономической политики и федеральных законов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дворкович А.^а Подавляющая часть российской экономики настолько неэффективна, что не имеет шансов выжить (<http://www.primetass.ru/news/show.asp?id=882837&ct=news>).

Дворкович А.^б Пресс-конференция Аркадия Дворковича (http://www.rian.ru/trend/press_conference_dvorkovich_07042009).

Конищева Т. Репетиция перед саммитом. ЕврАзЭС создает антикризисный фонд // Российская газета. 2009. 30 марта.

Кувалин Д.Б., Моисеев А.К. Российские предприятия в середине 2008 г.: особенности поведения в предкризисной ситуации // Вопросы прогнозирования. 2009. № 2.

Лексин В.Н. Россия как светское государство. Религиозные объединения в секулярном обществе // Мир России. 2009. № 2.

Лексин В.Н. Христианские ценности и христианская цивилизация: проблемы восприятия // Христианская цивилизация: система основных ценностей. Мировой опыт и российская ситуация. М., 2007^а.

Лексин В.Н. Ценности как предмет научной дискуссии // Миропознание и миростроительство. М., 2007^б.

Некlessа А.И. Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный контекст // Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный контекст. М., 2009.

Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 г. (<http://premier.gov.ru/anticrisis>).

Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.

Христенко В.Б. Госсчет в эпоху кризиса. Виктор Христенко о поддержке отечественного автопрома, ценах на лекарство и компаниях-должниках // Российская газета. 2009. 30 марта.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой культуры. М., 1989.

© В. Лексин, 2009